

Архангельский список, восьмой по счету, занимает в ряду остальных семи списков редакции XII века ясно определяемое место. Ближе всего он стоит к рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из собрания А. Ф. Толстого, Отд. III, № 73. Близость этих списков выражается, во-первых, в ряде вставок, присущих только этим двум рукописям. Так, в этих двух списках мы читаем нигде больше не повторяющуюся вставку в § XLVII — легендарный рассказ о желаемом результате обращения Даниила Заточника к князю: „Сия словеса аз, Данил, списах в заточении на Беле озере и запечатал в воску, и пустих во езеро; и взем рыба и пожре; и ята бысть рыба рыбарем и принесена бысть ко князю; и нача ея пороти; узре князь сие написание и повеле Данила свободити от горкаго заточения“. В § XXII вставлено сопоставление с притчами Соломона: „Яко же рече Соломон: слава царю во мнозех языцех; тако и тебе, господине княже, слава и победа велика во мнозех людех“. В §§ XXXI и XLVIII добавлены отдельные изречения-поговорки: „дети бегают рода, а бог пьяна человека“, „люте беснующемуся дати нож, а лукавому власть; паче всего ненавижь сторонника перетерпелива“. В других местах вставки поясняют изложение или выражают чувства автора: § XLVI — „а не от своего разума, но от божия промысла сии суть словеса“; § XVIII — „также и аз, княже, радуюся твоей милости“; § XIX — „аз же, худый, добре дивлюся“. Реже встречается добавление нескольких слов для полноты предложения, как-то: § VIII — „ни сеют, ни жнут“, добавлено — „ни в житницу збирают“; § XXVII — „яжь и пей и веселися“, добавлено — „в великой радости и в любве“. Совпадения единичных слов, вставленных в текст, могут считаться менее убедительными, поскольку в большинстве случаев это — союзы, местоимения, обращения (предпочтительная форма обращения к князю в Архангельском и Толстовском списках „княже господине“).

Второй особенностью, роднящей рассматриваемые два списка, является замена слов, изменяющая значение текста таким образом, что получается особое чтение, отличное от всех остальных рукописей редакции XII века. На протяжении Архангельского списка мы отметили около двадцати таких замен, общих с Толстовским списком, например: „воеводити“ вм. „воевати“; „княжа“ вм. „царева“; „кротость“ вм. „крепость“, „хитрость“; „добрыя“ вм. „многия“; „твоего“ вм. „своего“; „держите“ вм. „водите“, и т. д. Замена коснулась также собственных имен и географических названий: „Святослав сын Игорев“ вм. „сын Олжин“, „Ольгин“; „Любиво“ вм. „благо Любиво“, „Боголюбиво“, и т. д. Можно считать, что часть этих особых чтений возникла в результате стилистической правки текста, которая происходила отдельно от других списков и выразилась в соотношениях типа: „учащает“ вм. „частьще“, „частьщися“; „долотити“ вм. „долбити“, „колоти“; „собирая“ вм. „избирая“; „почнет“ вм. „учнет“, „имет“, и т. п. Иногда же, наоборот, особые чтения Толстовского и Архангельского списков сохраняют лучше выражения протографа в местах, подвергшихся искажению или переделке в других рукописях: „оплотом“ вм. „плодом“, „подолом“, „подом“, „плот“; „в калне сосуде“ вм. „в калне судне“, „в камене сосуде“; „возвеем“ вм. „возвития“, „возвестия“, „возвиде“; „неусыпаема“ вм. „неуповаема“. В двух случаях замена слова объясняется ошибкой, сделанной при переписывании текста: § X — „имѹ“ вм. „имй“; § IX — „опали“ вм. „отпали“ (где „от“ состояло из омеги и надстрочного „т“). Обычно подобное механическое воспро-